

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-25-57>
<https://elibrary.ru/HLLSP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Человек становится лучше после больших переживаний» (Письма Тани Вагнер. 1939–1945)

© 2022, А.Ю. Заднепровская

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье публикуются письма ленинградской девочки-подростка Тани Вагнер 1939–1945 гг., сохранившиеся в семейном архиве. В основном они адресованы ее матери М.Ф. Вагнер, отбывавшей ссылку после ареста и гибели мужа. Письма представляют собой дневник, хронику жизни в предвоенном и блокадном Ленинграде. В приложении дан отрывок из неопубликованных воспоминаний Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде, написанных в поздние годы жизни.

Ключевые слова: репрессии 1938–1940 гг. в СССР, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, советская школа.

Информация об авторе: Александра Юрьевна Заднепровская — независимый исследователь, кандидат исторических наук, историк культуры России XIX–XX вв., г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

Для цитирования: Заднепровская А.Ю. «Человек становится лучше после больших переживаний» (Письма Тани Вагнер. 1939–1945) // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 25–57. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-25-57>

Автор этих писем — моя мать Татьяна Николаевна Вагнер-Заднепровская (1926–2001), дочь гидрографа Николая Петровича Вагнера (1888–1938)¹. После окончания университета Татьяна Николаевна стала ученым-библиографом, всю жизнь проработала в библиотеке

¹ После окончания Майской гимназии Н.П. Вагнер продолжил свое образование на физико-математическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1916 г. В 1917 г. учился в Морском кадетском корпусе на курсах гардемарин, а в 1918 г. — гидрографов. С 1920 г. он работал в Гидрографическом управлении Красного Флота. Был начальником Гидрографического, затем Картографического отделов Управления. С 1 марта 1928 г. назначен старшим

Института археологии, она автор и соавтор более 30 опубликованных работ.

Основной адресат писем — ее мать, Мария Федоровна (1890–1964), урожденная Парланд. Перед войной семья жила на 12-й линии Васильевского острова, занимала две комнаты в коммунальной квартире. В ней также жили дед мамы Петр Николаевич Вагнер, преподаватель Морского Кадетского корпуса, флота генерал-майор в отставке², художник-маринист, ученик А.И. Куинджи (он умер в 1931 г.) и его жена Ольга Михайловна (бабушка Оля).

Таня была поздним долгожданным ребенком. Училась в 217-й школе на Васильевском острове, которая считается преемницей знаменитой гимназии К. Мая, в которой учился ее отец. В 1937 г. Вагнеры провели вместе последнее счастливое лето. Николай Петрович был арестован 1 ноября того же года, вынесенный приговор — «десять лет без права переписки». В своих «Воспоминаниях», над которыми Татьяна Николаевна работала в последние годы жизни, она писала:

Отца арестовали в ночь на 1 ноября 1937 года. Я лежала больная — у меня была скарлатина. Тогда эта болезнь считалась очень опасной и меня должны были положить в больницу. Но папа добился отмены, я лежала дома. А сосед немец-пекарь по фамилии Мусс находился из-за карантина в неоплаченном отпуске, и отец ему его оплачивал.

Итак, ночью я была разбужена шумом, всюду горел яркий свет, в соседней комнате слышались чужие мужские голоса. Я лежала тихо, никого не звала. В комнату быстро вошла мама, лица ее я не помню, и быстро сунула мне в постель сумочку, в которой были золотые вещи: кольца и брошки. Видимо, я все понимала.

Папа захотел со мной проститься, но его одного в комнату не пустили (как потом объяснила мне мама), он не захотел меня пугать. Он ласково, лицо было спокойное, помахал мне рукой. Из-за положения двери и моей постели, я могла видеть только его отражение в зеркале шкафа, который и по сей день хранит на своей зеркальной поверхности наше прощание. Больше его видеть мне не довелось. <...>

производителем работ Гидрографического управления. В середине 1930-х гг. вышел в отставку и перешел на преподавательскую работу.

² Официальное название чина по дореволюционной табели о рангах. После революции П.Н. Вагнер находился на службе до 1924 г. и преподавал на Курсах командного состава РККФ (Рабоче-Крестьянского Красного Флота), реорганизованных в 1919 г. в Училище командного состава РККФ. С 1921 по 1929 гг. он был также профессором факультета живописи, графики, скульптуры ВХУТЕИНа (Высшего художественно-технического института на базе бывшей Академии художеств).

Десять лет без права переписки. Тогда еще не знали, что это означает. Квартиру нужно было освободить. Две большие комнаты, хорошо и со вкусом обставленные. Нужно было все продать, так как денег не было. Тогда хорошо продавались вещи в комиссионных магазинах, так как все, что было на прилавках, было убого. Комната бабушки Ольги Михайловны была сплошь заставлена, часть вещей перевезена на Тучкову набережную, часть отдана для продажи знакомым и родственникам³.

Н.П. и М.Ф. Вагнеры. 1937 г.
Nikolay and Maria Wagner (1937)

После ареста мужа Мария Федоровна была выслана из Ленинграда в административном порядке. Прошлая жизнь канула навсегда. 6 февраля 1938 г. она выехала в Башкирию, где в итоге прожила 8 лет⁴.

В феврале 1938 г. Тане исполнилось двенадцать лет. Невозможно было оставаться в квартире на 12-й линии Васильевского острова,

³ Только в начале 1990-х гг. мы с мамой, ознакомились со следственным делом и узнали, что Н.П. Вагнер был расстрелян 8 января 1938 г. О его аресте и реабилитации см.: [1]. Н.П. Вагнер был осужден по статье 58-6-8-11 УК РСФСР. Справка о пересмотре дела и реабилитации «за отсутствием состава преступления» выдана 22 мая 1958 г.

⁴ Местом ссылки Марии Федоровны стало село Тавтиманово Иглинского р-на.

где дверь в комнату родителей была опечатана. На семейном совете был решен ее переезд к родственникам в дом на Тучковой набережной (ныне набережная адм. Макарова). Там жили бабушка Паша — Прасковья Михайловна Парланд⁵, и семьи ее детей: сына Федора Федоровича⁶, его жены Нины Александровны и дочери Нины Федоровны⁷, младшей сестры Марии Федоровны. Нина Федоровна (тетя Нина) была замужем за инженером-железнодорожником Николаем Николаевичем Пехтеревым («дядя Ко»)⁸. В семье Пехтеревых был единственный сын Лев, выпускник 217-й школы, в то время студент старших курсов железнодорожного института.

В детстве Таню называли «грёзовской головкой». При этом девочка была настоящий *enfant terrible*, очень резкая и горячая, но одновременно добрая и любящая. В приемной семье ей многое прощали и по-настоящему любили. Тетя Нина Пехтерева была заботливая и очень деликатная. В одном из своих писем сестре в ссылку она пишет, что никогда не читает писем Тани, чтобы не мешать ей быть вполне откровенной с матерью.

Татьяна Николаевна писала:

Понимала ли я, что произошло с моей семьей? Видимо, понимала. Помню звонок Надюши⁹ и ее сдержанный, но спокойный голосок: «Папа заболел той же болезнью, что и твой». Я пошла к тете Нине и сказала, что Александр Борисович арестован. Тетя Нина испуганно спросила, откуда мне это известно. Я объяснила.

Надя Шапирова была в это время ближайшей задушевной подругой Тани. Семья Шапировых сыграла в ее жизни огромную роль. Александр Борисович Шапиров, юрист по образованию, после революции работал в библиотеке¹⁰. Его сестра Татьяна Борисовна — жена

⁵ Парланд Прасковья Михайловна, урожд. Грибкова (1863–1942) — вдова скрипача Императорских театров Ф.А. Парланда.

⁶ Парланд Федор Федорович (1893–1942) прошел ускоренный курс Павловского военного училища, прапорщик, участник Первой мировой войны, был ранен. В начале 1920-х гг. окончил Факультет общественных наук, юрист по образованию, работал бухгалтером.

⁷ Пехтерева Нина Федоровна, урожденная Парланд (1891–1942) — жена Н.Н. Пехтерева.

⁸ Николай Николаевич Пехтерев (1889–1975) — инженер-железнодорожник.

⁹ Надежда Александровна Шапирова-Дмитриева (1927–2022) — физиолог, кандидат наук. В письмах далее — Дюк, Надюша. Дружба Н.А. с Т.Н. Вагнер-Заднепровской и ее семьей продолжалась до конца ее жизни. Письмо к ней также включено в данную публикацию.

¹⁰ А.Б. Шапиров репрессирован в 1940 г.

известного филолога и переводчика М.А. Лозинского. Сам А.Б. был женат на Валентине Алексеевне, дочери врача, академика Медико-хирургической академии А.И. Лебедева. Эта семья воплощала лучшие традиции русской интеллигенции. Они отличались необыкновенным чувством долга, справедливости и незаурядным мужеством. В духе времени судьба их сложилась трагически — Александр Борисович был арестован и погиб в 1940 г., сын Алеша, выпускник физического факультета ЛГУ, погиб на фронте.

Сидят: П.М. Парланд, Н.Ф. и Н.Н. Пехтеревы,
стоят: Тانيا Вагнер и Лева Пехтерев. 1940 г.
Sitting: Praskovya Parland, Nina and Nikolay Pekhterev;
Standing: Tanya Wagner and Lev Pekhterev (1940)

Таня и Надя вместе занимались в частной группе у известных на Васильевском острове трех сестер Штегеман, последовательниц немецкого педагога В.А. Фребеля¹¹. Вильгельмина Юльевна и Агата Юльевна вели младшую группу, а Елена Юльевна — старшую. Дети

¹¹ Фребель Фридрих Вильгельм Август (1782–1852) — выпускник Йенского и Берлинского университетов, теоретик дошкольного воспитания, в основу которого положены принципы педагогики Песталоцци в соединении с постулатами немецкой философии.

учили немецкий язык, заучивали много стихов, занимались пением и танцами. Эта группа просуществовала с конца 1920-х по 1941 г., когда сестер в 24 часа выслали из Ленинграда.

Кроме учебы в школе и в группе сестер Штегеман, у двенадцатилетней Тани появилась новая ответственность: несколько раз в месяц она должна была писать матери в ссылку подробные письма с рассказами о своей жизни. Они стали своего рода дневником — хроникой ее жизни. Мария Федоровна очень дорожила письмами дочери, сохранила их и привезла с собой, когда в 1946 г. вернулась в Ленинград.

Общий фон жизни в разгар репрессий был мрачным. В ноябре 1939 г. началась Советско-финская война, и Ленинград стал прифронтовым городом. Еще до начала войны, в сентябре 1939 г., были мобилизованы старший брат Нади Шапировой Алеша и любимый всеми учениками учитель математики Борис Аронович Елин (оба они погибли уже во время Великой Отечественной войны, весной 1942 г.). Валентина Алексеевна, мать Нади, по ночам после основной работы дежурила в госпитале.

Н.А. Дмитриева рассказывала мне, что 22 июня 1941 г., в день начала войны, Таня прибежала к ним и со звенящим от ужаса и восторга голосом объявила об этом. Валентина Алексеевна вздрогнула и отвернулась к окну. Она сказала, что второго голода не переживет (первый — менее известный в общественной памяти, но не менее трагический голод в Петрограде — был во время революции и «военного коммунизма» в 1918–1921 гг.). Так и случилось. Отправив дочь в эвакуацию с интернатом Эрмитажа, она одна осталась в Ленинграде, чтобы быть ближе к мобилизованному на фронт сыну Алексею.

К самому началу Отечественной войны относится драматический эпизод в жизни Тани Вагнер. Вместе с тетушкой, учительницей Ниной Александровной Парланд, ее отправили из Ленинграда в эвакуацию на Валдай. Но успели они доехать только до станции Дворец — как оказалось, двигались они навстречу быстро наступающим немецким войскам. Нина Александровна проявила большое хладнокровие и сумела вывезти своих учеников последним поездом в Ленинград. К счастью, их состав не разбомбили. Так они едва не угодили в оккупацию, но оказались в блокаде.

Особенно тяжелыми для жителей блокадного города, как известно, были зима 1941–1942 и весна 1942 г. Бабушка Тани, Ольга Михайловна Вагнер, умерла первой в декабре 1941 г. После смерти весной 1942 г. тети Нины и дяди Феди 16-летняя Таня начала работать, ей была необходима «рабочая карточка». Настроенная романти-

чески, она, конечно, мечтала о работе в госпитале. Но пришлось идти сначала на военный завод, где требовались рабочие руки. Потом, закончив курсы, она работала в районной службе Санэпидстанции.

Сохранилось письмо Тани осени 1942 г., адресованное Надюше Шапировой, которая была в эвакуации в Молотовской области¹². К этому времени Надя уже полностью осиротела. Ее старший брат Алеша Шапиров (1914–1942), аспирант физического факультета Университета, был убит на Ленинградском фронте под Тосно, а мать Валентина Алексеевна погибла от голода в апреле 1942 г.

Таня страшно мучилась от необходимости сообщить Наде эти ужасные вести. Но, конечно, они дошли своим чередом. В упомянутом письме все страшное и тяжелое — за кадром. В этом письме у Тани — тон «старшего друга», много пережившего и дающего ценные житейские советы. Тон бодрый, мажорный, все нацелено на будущее — учебу, работу. В то же время в письме есть и выразительная картина блокадного города. Счастливым свойством молодости: мама мне говорила, что, видя так близко смерть, никогда не верила, что и она легко может погибнуть. Позднее, когда блокада была уже снята, кое-что прорывается в ее письмах:

Не знаю, о каких ужасах у вас там болтают. Может быть, это по дороге, а у нас все хорошо. Вчера 1 мая были салюты и фейерверк. Я с Ниной была на Невском проспекте. Шли мы по дороге, так как так было виднее, и я вспомнила, как раз на том же самом месте у Гостиного двора я бежала, прижимаясь к стене, и перепрыгнула через лужу крови, только что натекшей из разбитой головы какой-то женщины, а над головой с отвратительным свистом летели немецкие снаряды и тут же разрывались, казалось, прямо над головой. А теперь опять гром, но уже своих орудий. Я не могу описать того, что чувствуешь в этот момент. Но что-то поднимает тебя и такое впечатление, что у тебя вырастают крылья и ты не идешь по асфальту, а реешь по воздуху над толпой. Впечатление, что у тебя выросли огромные крылья и ты летишь. Кончились салюты, и ты на земле¹³.

Татьяна Николаевна в своих поздних воспоминаниях пишет:

Война и ограничения с въездом в Ленинград задержали маму до 1946 года в ссылке. Я к тому времени кончила вечернюю школу, все время работая, и поступила в Университет. При заполнении анкеты

¹² С 1957 г. — Пермская, а с 2005 г. — Пермский край.

¹³ См. письмо от 02.05.1944 г.

при поступлении я скрыла, что отец репрессирован (что я дочь «врага народа»). Слава Богу, никто не поинтересовался: девочка-блокадница, награжденная в декабре 1944 г. медалью «За оборону Ленинграда»¹⁴, хотя и имевшая очень подозрительную немецкую фамилию.

В одном из писем 1945 г. описывается встреча со старым другом семьи, вернувшимся с фронта после долгих лет отсутствия (может быть, ссылки или ареста):

Теперь из другой оперы. Не так давно, сижу я и занимаюсь, и вдруг звонок, бегу открывать, спрашиваю: «Кто?», отвечают — «Евсеев». Я не знаю, кто это, хотя фамилия знакомая, а голос очень знаком. Входит высокий человек, седой. Я не узнаю, спрашивает о папе, о тебе, о дяде Феде, о тете Нине. Я не могу отвечать, душат слезы. Наконец, узнаю Жоржа-Вешалку¹⁵. Он ничего не знал. Был на Брянском фронте, демобилизовался из армии и приехал сюда. Жена его умерла, он остался один с двумя детьми. Просил передать тебе поклон. И сказал: «Будьте такие же мужественные и энергичные, как ваша мама». Он своим приходом разбудил горе: «почему он вернулся, а папа — нет». Ну, будем говорить о другом. Сейчас наступило хорошее время. Не надо много времени уделять своему горю и носиться с ним, так как много-много горя у нас и мое личное слишком мало, чтобы много о нем думать. Миллионы людей плачут, не я одна.

В другом письме, написанном тогда же, Таня пишет: «Да и вообще у меня самые хорошие и радужные мечты о будущем. Я не боюсь, что будет впереди, и я не боюсь жизни и борьбы. У нас с Надей во всем одинаковые взгляды, и обе мы оптимисты высшей марки». И далее:

Вообще, знаешь, человек становится лучше после больших переживаний. Я сужу по Наде и по себе. Мы с ней не были бы такими, если бы не война. Вспоминая о себе, мы обе смеемся, неужели мы были такими пустыми и как много у нас в голове было лишних и даже вредных условностей. Я не люблю разную сентиментальность¹⁶ и прочую глупость... Война не учит сентиментальности, а немецкие

¹⁴ В августе 1946 г. Т. Н. Вагнер была также награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

¹⁵ Сведений о Г. Евсееве разыскать не удалось.

¹⁶ Так в оригинале.

снаряды отучат от этой привычки. <...> у меня есть Надя, и поэтому я счастлива.

Надежда Александровна окончила биологический факультет Ленинградского университета, стала ученым-физиологом, вышла замуж за Евгения Константиновича Дмитриева, военного архитектора и инженера. Он воевал, был ранен.

Таня Вагнер осуществила свою мечту, поступила в университет на кафедру археологии истфака. В 1948 г. в Узбекистане во время экспедиции на Касане (Согдиана) познакомилась со своим будущим мужем Юрием Заднепровским (1924–1999). В ноябре 1941 г., как и большинство его сверстников, он был призван в армию, воевал на Ленинградском фронте, участвовал в боях за взятие Кенигсберга, был тяжело ранен, награжден боевым орденом Красной Звезды. Ю.А. Заднепровский стал известным археологом, специалистом по древней истории Средней Азии, доктором наук.

После замужества главным адресатом ее писем стал муж, ежегодно проводивший несколько месяцев на раскопках в Узбекистане и Киргизии. Умение и желание писать письма у родителей было взаимным. Об этом свидетельствует сохранившийся обширный семейный эпистолярный, охватывающий период 1950–1999 гг.

Для этой публикации мы выбрали некоторые письма, как нам кажется, говорящие о росте души подростка, реальной жизни и взрослении на мрачном и сложном фоне исторических событий. В качестве приложения ниже публикуется фрагмент воспоминаний Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде, написанных в 1990-е гг.

Тексты публикуются с сохранением авторской орфографии, сокращения отмечены угловыми скобками.

*Т. Вагнер — М.Ф. Вагнер
27.02.1938*

Дорогая мамочка,

Мои рождения прошли. Подарков много. Вот они какие: тетя — мильную грушу¹ и пополам с бабушкой Пашей — торт. Бабушка Паша висюльки и пряники. Нина Александровна апельсины. Бабушка Оля — апельсины и пряники. Бабушка Паша еще подарила мне куклу хохлушку. Тетя Оля² посуду. Мария Адамовна конфеты. Дядя Федя деньги. Лева книги. Надя шоколад. Вот и все.

Я болела гриппом. Сегодня первый раз была в школе. Получила за рассказ отлично. За диктовку хорошо.

С Левкой возимся, орем, хоть святых выноси. Тетя в ужасе.

Целую крепко. Ляля

¹ Происходит от названия марки английского мыла Pears («Груши»), производившегося с начала XIX в.

² Ольга Львовна Моль, старая тетушка по Парландской линии, племянница и воспитанница архитектора А.А. Парланда; умерла во время блокады.

14.03.1938

Дорогая мамуся!

У нас тепло и хорошо. Снег выпадает и растает. Хожу в школу без пропусков. Кетька¹ очень выросла. Каждый день она бесится. С Надей я гуляю. Сейчас вечер. Скоро спать. А ты, наверно, спишь уже.

Всех писем не получаем. Готовим тебе посылку. У нас прибавился один урок. «ППХС» — Противовоздушная химическая оборона. Через месяц сдаем экзамен. Класс разнуздался, прямо ужас.

Целую крепко-крепко. Ляля

¹ Речь идет о кошке.

21.05.1939

Дорогая мамочка!

Вчера сдавала первый экзамен по ботанике. Получила отлично. Завтра русский письменный. Не знаю, как сдать.

Сегодня у нас случилось из рук выходящее приключение. Сижу я сегодня и читаю книгу. Вдруг слышу, что в комнате у меня кто-то шипит. Я подумала, что это кошка. Прихожу и вижу, что Кетти распушила свой хвост и старается что-то достать из-под моего маленького шкафика. Я кричу тетю. Она прибегает и я говорю: «Что такое случилось с Кэтти, почему она шипит». Тетя говорит: «Да ведь это не кошка шипит». Я наклонилась и, о ужас, моя дорогая, ты себе представить не можешь, что я увидела, отгадай! Нет, тебе не отгадать. Это была змея. Тетя давай визжать. А она поползла шипя за печку, а Кэтти за ней и лапой ей хвост теребит. Тетя побежала скорее за дворником, а он боится и говорит: лучше мальчишек позову, они ничего не боятся. Приходит этот мальчишка, а дворник сзади боится. Только он хотел его схватить, а змея за печку — за печкой в дырке

и скрылась. Я увидала, что это уж. У него желтая полоска на голове. Только дворник и мальчишка ушли, он выполз и пополз к молоку, которое мы поставили. Тетя опять побежала за ним. Он пришел, вытащил его и понесли в воду. Бросили в Неву, а он плышет, как лебедь. Приплыл к берегу, ребята его взяли и потащили к себе.

Сегодня целый день у нас только и разговоров об уже. Нина Александровна боится, ужас как. А откуда он появился, это — всем загадка.

Вот какие у нас дела, да случаи. Мы думаем, что теперь их там целый выводок.

Надя испытания не держит. Успехи у меня в немецком — я не нахожу.

Целую крепко. Ляля

P.S. Вчера была в кино и видела «Василиса Прекрасная».

Кетти — героиня дня. У нее на рыжей голове красуется лавровый веночек. Преподнесенный мною. Она кланяется тебе. И намеревается стяжать новые лавры охотой на змея Горыныча.

Июль 1939

Дорогая мамочка!

Извини, что я так долго не писала. Я гостила у Дюки. Я тебе опишу всю жизнь там.

В Гобжицах¹. 21 числа к нам звонит Александр Борисович и просит тетю отпустить меня к ним погостить. Тетя согласилась. И так 22 июня рано утром мы поехали на вокзал. При входе на перрон образовалась очередь, а при открытии дверей образовалась давка, к завершению всех бед полил дождь. Кое-как влезли в вагон (тетя провожала Валентину Алексеевну и меня до Толмачева). Мест нет. Пришлось стоять до Сиверской. Только после нее сели. Приехали в Толмачево благополучно, сели на пароход. Тетя поехала обратно. Пароход шел ужасно медленно. Выехали мы в два часа, а приехали в 8 часов. От пристани до деревни около 1 км. Только мы вылезли из парохода, полил такой дождь! Но он скоро перестал. Нас встречала самоотверженно Марися². Около самой деревни — другое явление. С горы во всю прыть несется Дюка, размахивая зонтиком, хлюпающая галошами и орет благим матом: «Танька, наконец-то!»

Расположились на ночлег мы так — в одной комнате я, Александра Ивановна и Марися, в другой — А.Б., В.А. и Дюка. К неописуемому ужасу А.И. мы оставили окна открытыми на всю ночь. И долго разговаривали к негодованию Дюки (не потому, что мы ей мешали

спать, а потому как смела Марися рассказывать мне интересные вещи, да еще ночью. К тому же еще, что Марися спала со мной был большой удар бедной Дюке). Марися рассказывает очень интересно. Она рассказывала про своих родичей, которые были гугеноты. И очень интересным образом спаслись в Варфоломеевскую ночь. Но потом приехал Алеша и Марися ушла ночевать к своей подруге Русе. Очень милой девушке.

Дюка успокоилась. Но Дюке положительно не везет. Она объелась и у нее желтуха. Довольно высокая была температура еще до моего приезда. Докторов на лицо не имеется, надо ехать в Зачеренье — это дом отдыха за 9 км. У Шапировых там есть челн, который течет и очень валкий. Ну мы и поехали, это было замечательное путешествие. А.Б. рулит, Алеша гребет, Надюка злится, В.А. страшно боится и не дает мне даже шевельнуться, а я качаю челн к удовольствию Алеши.

Это путешествие осталось в летописи под названием «Из варяг в греки». Большую часть дня проводили на лодке. Ездили за шиповником. На том месте, где растет шиповник была вилла какого-то барона. Остался лишь один фундамент. А вокруг — белый и красный шиповник. Очень красивый вид был из этойвиллы. Она расположена на горе, с трех сторон сосновый лес, а с четвертой стороны — вид на озеро, образованный рекой. <...> Мы там издавали газету. Называлась она «Дачная жизнь». Осмеяли там всех дачников.

Бедного Алешу мы извели. Он очень необщителен и целый день читает разных философов. Мы то его тащим гулять, то играть, то прибить гвоздь или придумать игру. Он ничего, довольно терпеливо относился к нашим приставаниям и исполнял наши просьбы.

Второе путешествие «Из варяг в греки» было еще интереснее. Мы опять поехали в Зачеренье. Дюку доктору показывать. Взяли двухвесельную лодку и отправились. Пока Дюка была у доктора, я, Руся и А.Б. гуляли. Потом мы отправились по реке еще дальше к деревне «Лава». Здесь оставили лодку на попечение А.Б., а все пошли к двоюродной сестре В.А. в Ц.И.К. Там пили молоко, ели черничный пирог, причем я посадила себе на розовое платье черничное пятно. (Платье только что было одето). Пошли обратно через чудный сосновый лес. Пришли к реке сели и поехали. Я гребла немножко. Руся говорит, я хорошо гребу. Потом Дюка. Так мы сидели разговаривали. В.А. рассказывала о своей поездке в Испанию. (Они с А.Б. ездили туда в свадебное путешествие). Вдруг с носа страшный визг. (На носу сидела Дюка, а я на корме, причем, не на сиденьи, а на самой лодке). Оказывается, что лодка на половину заполнена водой.

И Дюкино платье было замочено. Тут и я увидела, как глубоко сидит лодка. Вода прибывает. Вычерпывать нечем. Скорей к берегу! Я не знала, что лодка могла пойти ко дну. Руся (она говорила потом), что она была уверена, что мы не доплывем до берега. Мы были на середине реки. Все были перепуганы, кроме Дюки и меня. Мы и не представляли, что с этим шутить нельзя. Я рада приключению, а Дюка рада, что можно повизжать. Наконец причалили. Теперь стал вопрос, чем вычерпывать. Руся пожертвовала свои туфли. В.А. хотела взять Дюкину шляпку. Но Дюка с таким возмущением объявила, что не даст, что она потеряет форму (это панамка), что не будет белой и так далее. Я, конечно, дала свою панамку. Надя что-то буркнула на счет таких девочек, которые не берегут свои вещи. Я не осталась в долгу, как увидишь потом.

Вычерпав воду, оказалось, что Надюша промочила ноги. Какой ужас!! А.Б. опростоволосился и не взял вторую пару туфель. Я предложила свою пару. Я все равно была босиком. Отталкивая лодку, я обрызгала себе платье тиной. Потом оказалось, что мы по милости А.Б. чуть не пошли на дно. Так как он устроил себе сиденье из камней и кирпичей. Понятно, лодка осела и зачерпнула воды. Приехали в 10 часов вечера. Есть хочется, страшно холодно. Уже туман, а до деревни км с лишком, Руся пошла отвозить лодку в дом отдыха. Мы с Надей побежали домой. Я — с веслом, а на весле моя грязная панамка. Я несу как трофею. Смешу Дюку, она хохочет, я не отстаю. Там мы с визгом и хохотом ворвались в дом к ужасу и радости Анны Ивановны. Она думала, что мы утопли. Дом нам показался раем. Накормили нас, напоили, переодели. <...>

В этот же вечер приехала тетя за мной. Я побежала ее встречать без пальто. К ужасу А.Б., так как он, по словам Левы, приготовился меня одевать в шубу. За мной вдогонку был послан Лева и, к удовольствию А.Б., догнал меня и облачил в пальто. Тетя привезла конфет Дюке. Но я так наелась ими что сломала зуб и накормила ими Левку, что наверно, у него потом болел живот.

На другой день я была уже дома в городе и читала Конан-Дойля.
Целую. Ляля

¹ Деревня на реке Луга в Лужском районе Ленинградской области.

² Марися Бурзи, дочь друзей семьи Шапировых.

18.09.1939

Дорогая мамочка!

Я уже успела получить два отлично. По ботанике и по истории. Алгебра мне очень нравится, такая интересная штука. Я уже успела в школе набедокурить. У нас взяли директора и Бориса Ароновича на военную службу. Мы страшно рассердились и решили не идти в школу. Зачинщиком этого бунта была Ира Беляева и Г. С нами убежало 11 человек и все девочки. Это было 11 числа. 13 числа завуч нас страшно ругала и велела не приходиться в школу без родителей. Но девочки, такие ханжи, как Ира и я их не уговаривали идти просить прощения. Они пошли только из-за того, что вызывают родителей. Я была возмущена. И конечно, не пошла. Можно было тогда просить прощенье, если они осознали, что этот поступок глупый и не обдуманный. Но они так не рассуждали. А мне было стыдно за них. Но теперь все забыто.

Таня Герхен¹ — в другой школе. Но мы с ней гуляем. Вчера были с ней в зоопарке. Дюк-Дюк или Надя, как я ее зову, учится в 6 классе. Книг все нет. У Нади есть физика, она мне ее дает учить. А у Люды есть география. Так я покамест учу все.

Призыв в Красную Армию Левы не коснулся, у него отсрочка до 1940 года. А Надиного брата взяли.

Сегодня пойду к бабушке успокаивать ее насчет моих шалостей в школе. Пойду с Надей к бабушке. Вчера я упала, танцую какой-то танец дикарей, упала на пол и разбила коленку до крови. Хожу хромя. Лева с Мурой по-прежнему дерутся.

Собираемся послать тебе посылку. Сахар достанем, что еще надо?

Целую крепко. Твоя дочка Таня

¹ Татьяна Владимировна Герхен (1927–2016) — в 1935–1937 гг. одноклассница Тани по 217-й школе и ее близкая подруга, впоследствии геолог, в поздние годы жизни историк-краевед и генеалог.

18.11.1939

Дорогая мамочка!

Хотя я всю эту шестидневку не ходила в школу, но у меня не было времени. Тетя тебе написала, что у нас все больны. И бабушка, и тетя. Но бабушка уже стала ходить. Но ходит только с поддержкой. А тетя совсем не может стоять. У нее обожжен подъем. Вот я и стряпаю или нет, только чай и яичницу делаю, а стряпает Нина Александровна.

У нас так жутко. Все замаскировано. На улице огня совсем нет, окна занавешены или синие лампочки горят. Трамваи и автомобили с синими окнами ходят. Не видно, какой номер у трамвая. Магазины и те завешены и фабрика, которая через Неву. Вообще, вид довольно жуткий. Я вчера пошла за булкой и чуть-чуть не выкупалась в грязи на 1 линии. Недавно был сильный ветер и Нева вышла из берегов.

Нина Александровна и я пошли на чердак снимать белье и так там жутко грохало, как будто ведьмы танцевали, и мне вспомнились три ведьмы из «Леди Макбет». Мне очень хотелось выйти на улицу. Нина Александровна не пускала, а все таки удрала за хлебом. Нева правда вздулась, немножко вышла из берегов. На углу я чуть не задохнулась от ветра и бэрет съехал на затылок. Очень интересно.

Завтра иду в школу. Уроки я все делала и иду в ногу с классом. Притом, каждый день играю на рояле. Дядя Ко мне все показывает. За эту шестидневку я читаю очень мало. Только вчера я стащила у Левки томик Пушкина и читала все подряд: «Цыганы», «Домик в Коломне», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Кавказский пленник», «Медный всадник». Все сказки я давно прочитала, а также «Повести Белкина», «Арап Петра Великого» и «Пиковую даму», наверно, еще рано. Начала читать «Мазепу», но остановилась, хочу тебя спросить, можно ли?

Вот еще, «Война и мир», мне бы хотелось прочитать, а также «Три мушкетера». А то я, кажется, все книги из сундука приключений, так я называю Левкин ящик, где лежат все такие мальчишечьи книги, вроде Робин Гуд и Кожаный Чулок. А также я не могу смотреть на Жюль Верна. Когда много увлекаешься одним писателем, он тебе надоедает. Так и с Жюль Верном.

Сегодня общими усилиями у нас вышел хороший обед. Главный повар Нина Александровна. Повариха Мура. Я — поваренок. Левка помогал и молот мясо. Н.А. испугалась за судьбу котлет, так как туда убухали целые две большие луковицы. И целиком, не разрезывая, но обед вышел на славу. Делая честь главному повару, поварихе и маленькому поваренку.

Тетя Нина целый день хохочет над моими поступками. Не знаю, почему?

Целую крепко. Gute Nacht! Таня

06.02.1940

Дорогая мамочка!

Мы хотели тебе еще послать посылку. Но теперь временно посылки не принимают, только в действующую армию. Ты просила конфет, их теперь очень мало в продаже. Раз в Росконде¹ я с Мурой стояла в очереди, еле-еле получили. Предсказывали, что в феврале будет -50° морозу. Но недавно было всего 21° мороза, и мы учились. Если будет 25 градусов, то в школу ходить не надо. Теперь 10° мороза. Вчера я гуляла с Надюшей, переходили по льду Неву. Я вспоминала, как мы в Адмиралтейство на санках шпарили².

Дюка здорова и ходит в школу. И я также. Сегодня пойдем с санками. Уроки я уже давно сделала. Еще вчера. За эту шестидневку я получила по физике за контрольную отлично. За диктовку «хорошо», сделала всего одну ошибку, написала «время», а надо было времени. А это для меня очень мало. Еще получила отлично по геометрии, доказывала теорему у доски. И еще по литературе за стихотворение Шевченко «Завещание».

Недавно Левка достал с антресоль книги приложение к журналу. Произведения Рейдер Хоггарда. Я сейчас читаю его «Клеопатру», очень интересно. Александр Борисович (Надюшин папа) устроил меня в школу, где учится Дюка, но я хочу сдать экзамены в 15 школе, а на будущий год перейти в эту школу. Таня Герхен тоже в другой школе, но мы звоним друг другу по телефону. Мамочка, хватает ли тебе денег? А то мы пришлем.

Ты знаешь, что волосы у меня стали такие длинные, что я их заплетая в две косицы.

Целую крепко. Ляля

¹ Магазин ленинградской кондитерской фабрики «Росконд».

² На рубеже 1920–1930-х гг. Николай Петрович Вагнер служил в Гидрографическом управлении, располагавшемся в здании Адмиралтейства, там выдавали сотрудникам продукты.

03.03 1940

Дорогая мамочка!

Я ускользнул от Эскулапа

Худой, обритый, но живой!¹

Сегодня первый день, как встала с кровати. А то лежала и скучала. У Дюки оказывается не что иное, как паратиф. Тоже лежит.

Вчера был врач и сказал, что завтра можно встать, но на улицу и носа нельзя показывать до 7 числа. Докторам только и делать, что укладывать в постель.

У меня много книг от Нины Вебер², я целый день читаю. Сейчас тетя читает очень интересную книгу «Юношеские годы Пушкина», писатель Авенариус³.

Вчера была у меня бабушка Оля и Таня Габрилович, и Тага Падурова⁴. Бабушка подарила мне кольцо для салфетки. Очень хорошенькое серебряное. Сегодня целый день рисовала, посылаю тебе моего рыцаря средних веков.

Сейчас нас страшно перепугала тревога. Вдруг гудки сирены. Всех загнали в подворотни. Трамваи стоят. Думали, что настоящий налет. Но, оказалась учебная тревога. Длилась она около часа. С трех часов так до без четверти четыре. Тетя простояла в какой-то подворотне все это время. Погода самая несносная. Днем тает, к вечеру — холодно.

Писать не о чем. Скорее бы в школу. Целую крепко.
Ляля

¹ Первые строки стихотворения А.С. Пушкина «N.N.» (1819), посвященного В.В. Энгельгардту.

² Одноклассница Тани Вагнер, в дальнейшем геолог.

³ Имеется в виду книга В.П. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина» (СПб.: Изд-е книжного магазина П.В. Луковникова, 1899. 396 с.).

⁴ Одноклассницы Тани Вагнер по 217-й школе.

02.07.1940

Дорогая мамочка!

Мы все еще в Ленинграде и не знаю, поедем ли куда-нибудь¹. Делать нечего. Только читать. Взяла «Войну и мир» читать. Но от меня ее отняли, рано де тебе, читать и в утешение сунули Данилевского «Сожженная Москва».

Что ты так долго не пишешь? Мы беспокоимся. Левка защищал дипломный проэкт. Он теперь самый настоящий инженер. Мура будет защищать осенью.

Мы целый день не знаем, что делать. Из угла в угол бродим. Я, как маленькая девочка, сделала из линейки лук и стреляю из него, а вместо стрел Муркины шпильки. Занимательное занятие, достойное четырнадцатилетней девочки.

У нас цветет роза. Особенного больше нет. Ах нет, вспомнила, 30 были в кино смотрели «Большой вальс»². Чудно! Это из жизни композитора Штрауса. Заграничное кино.

Целую крепко. Ляля

¹ Речь идет о летник каникулах.

² Американский музыкальный фильм режиссера Ж. Дювивье, который с огромным успехом шел в СССР в 1940 г.

09.02.1941

Дорогая мамочка!

Я не знаю слов «не знаю, что делать» или «мне скушно». Ученье не дает покоя. Только сделал все уроки, перед тобой вырастает грамматика, которую повторяю и пишу диктовки, когда бывает время. Кроме того, я в кружке физиков. И я делаю доклад, тема моя «Телефон». Я себя воображаю академиком, делающим доклад. Кроме этого, я — звеньевая в нашем классе. Меня выбрали звеньевой нашего звена. Завтра у меня сбор моего звена. Я, как хорошая ученица, должна помогать отстающим. А самой просвещаться, разве не надо??? У нас учительница русского языка Е.Г. сказала про Надю, что она «не мыслящее существо». Надя, рассердившись, достает критику Белинского, достает «Декамерон» и садится читать, разъяренная и полная негодования.

Ну я ведь от нее не отстаю. Еще дядя Ко достал мне чудную книгу о проблеме межпланетного пространства. И уверял, что я не буду читать. Я больше половины прочла и все поняла, дядя Федя не может равнодушно видеть «Эллладу» Вегнера¹, мною не прочитанную.

Слушай одну историю. Когда меня посвящали в звеньевые, наш директор сказал торжественный «спич», если это так можно сказать о кисейных девочках, которые боятся холодной воды и при виде мыши упадут в обморок. Я, придя домой, рассказала Наде, которой не было на сборе и присказала, что директор назвал ее кисейной барышней. Но, моя мамочка, я не ожидала такого успеха от моего вранья. Надя мне сегодня объявляет: «Я мылась сегодня до пояса холодной водой». Я раскрыла рот и вытаращила глаза на нее. Ведь она так куталась еще два дня тому назад. Я тоже вчера мылась холодной водой, шею и хотела похвастаться перед ней, но не пришлось.

Сегодня были в кино, смотрели «Суворов»². Хорошо!! Завтра иду в музей связи, мне нужно для доклада. У нас директор очень славный. Напоминает Бориса Ароновича, помнишь?

Получила ли ты посылку, посланную 27 января?

¹ Имеется в виду книга Вильгельма Вегнера «Эллада: очерки и картины Древней Греции для любителей классической древности и для самообразования» (СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1901. 978 с.).

² Фильм Вс. Пудовкина (1940).

22.07.1941

Дорогая мамочка!

Опять я в Ленинграде. Уехала я с Ниной Александровной в Валдай 5 числа. Вернулась сегодня, т. е. 22. Нас всех оттуда эвакуировали вторично. Туда доехали благополучно так как нас сопровождали самолеты. Возвращение было плоше. Ехали в телячьем вагоне. Все было очень весело. Конечно, только нам ребятам. В Валдае (мы жили не в самом Валдае, а ближе, на станции Дворец в деревне). Мы приехали ночью. Тут я имела честь слышать голосок пулемета и свист пуль. Но это все чепуха. Проехали мы это расстояние в 32 часа. По нормальному — 8 часов.

Красота в Валдае неопишутая. Перед тобой открывается необозримое пространство, когда ты взбираешься на холм. У ног лежит, как светлое пятно, озеро, обрамленное, как рамкой, зелеными камышами и др. зеленью. В тихую погоду оно напоминает кусок зеркала светло-голубого цвета, в котором отражается небо. Но еще больше оно мне нравится во время ветра (я вообще люблю ветер) тогда оно не нежно голубого цвета, а синее и легкие волны с белыми гребешками катятся к берегу и рассыпаются. Все оно волнуется и грустит без причины. В середине озера маленький остров. Прелестный малютка. Он покрыт деревьями и густой травой. Этот кусочек леса как будто брошен рукою гиганта в озеро. Вокруг озера луга, но уже скошенные. Немного повыше море ржи. Между двумя стенами ржи вьется дорога. Когда набегает ветерок, рожь вся трепыхается, шумит и мне кажется, что она кланяется мне.

Затем, если взглянуть выше, поднимаются холмы, покрытые лесами. Цвет этих холмов разный. Один темнее — это еловый лес. Светлее — сосновый. Дымно-зеленый — лиственный и т. д. Лес высится стеной. Исполинские сосны и песок. Люблю я быть в лесу во время ветра, когда тот гнет со злостью гордых великанов, стараясь заставить кланяться их себе. Но все его попытки безуспешны, деревья не гнутся и только отвечают на его злость песней. Да, лес поет заме-

чательную песню. Песню, в которой слышится скорбь. Я готова без конца слушать эту чарующую мелодию. Она никогда не надоедает.

Целую. Таня

29.09.1941

Дорогая мамочка!

Живы, здоровы. Приехать к тебе при всем нашем желании не можем. Мы целы, дом наш цел — лучшего нечего и желать.

В техникум не хожу: тетя не пускает. Опасно. Школ нет. Я либо читаю, либо гуляю с Ниной Фогель. Иногда вышиваю.

Спим, не раздеваясь. Если невтерпеж бывает сидеть в передней, спускаемся вниз. Но бабушка, я и дядя Ко сидим в передней. К нам приехала мать дяди Ко и сестры, итого нас 9 человек, исключая меня и кошку.

Целую крепко. Таня

<Весна 1942>

Теперь я опишу свой день. Встаю я в 9 ч. 30 м., иду за хлебом. Приношу его. Ставлю чайник на буржуйку. Это долгая история, так как дрова сырые. Затем пою обоим¹ чаем. Обоим надо нарезать хлеб, помазать маслом, налить, насыпать сахару. К 11 ч. 30 м. приходит Нина Александровна. Она прибирает комнату, а я в 12 ч. и в академическую столовую за обедом. Иду медленно, с развальцей, с упоением шлепаю по лужам и вдыхаю ароматный воздух. Уже пахнет весной!! Если тепло и солнечно, я сажусь где-нибудь на солнышке и греюсь, как кот. Это моя любимая прогулка. К двум часам я дома. Затем я иду за водой на прорубь. Затем растоплю буржуйку, разогрею обед и в четыре часа кормлю моих «ребят». Потом я уже свободна. Читаю, пишу письма, шью или вышиваю. Как только стемнеет и нельзя больше писать, как это сейчас, я ложусь спать. Сплю я на маленьком диванчике, на котором безмятежно спала в детстве, так как бабушка спит на моей кровати, а дядя Федя и Н.А. на ее кровати. Я устраиваюсь очень удобно и уютно, как в гнездышке. Тепло и уютно. На туалете мой письменный стол, я на нем сейчас и пишу, сижу же я на своем гнезде. Туалет у меня слева, а справа столик, на котором я ем. В конце дивана у окна кресло, или мой будуар, где я читаю. Все мои апартаменты в одном углу комнаты.

Спокойной ночи!! Уже темно. Завтра рано встаю, иду вызывать дяде Феде врача.

Целую крепко. Таня

¹ В это время в семье было двое лежачих больных — бабушка Паша (Прасковья Михайловна Парланд — бабушка Т.Н. Вагнер по материнской линии) и дядя Федя.

09.06.1942

Дорогая мамочка!

Сегодня получила твои оба письма. Как мне хочется приехать к тебе!! Но есть много причин, задерживающих нас. Во-первых, надо продать всю обстановку, во-вторых, надо собрать все тряпье, а его у нас очень много, а без него ехать нельзя, в-третьих, бабушка, вести ее нельзя: она очень слаба. А с кем ее оставить?? Дядя Ко, если только мы решим ехать, поедет тоже. Что с ней делать мы решительно не знаем, но, конечно, не бросим и поэтому нам придется остаться.

Ты сражена смертью тети Нины, я тебя понимаю. Подробностей не могу сообщить, так как не была при ее кончине. У нее была дизентерия¹ и дистрофия. Первая заразна, а вторая абсолютно нет.

Нина Александровна страшно изменилась и похудела. У нее и дистрофия, и цинга. Сейчас она на усиленном питании. Я — в школе на питании. Вообще, сейчас не голодаем. Я поправилась, загорела и посвежела. Работать приходится много. Водопровод не действует. Воду таскаем в ведрах, как в деревне. Я сама стираю все, кроме постельного белья, а полоскать хожу к крану, который находится на Среднем проспекте через дом от нас. Сейчас у меня все белье перестирано. За зиму все запачкалось. Только подумай, за всю зиму ни одной стирки.

Кроме того, я увлекаюсь огородом. На школьном дворе Н.А. дали грядку или вернее, клочок земли. Я ее взрыхлила, сделала грядку, сегодня унавозила, а завтра пойду сажать свеклу, салат, укроп. Дядя Ко достал удобрения. Лелею надежду о том, как буду ухаживать за моими всходами (если, о роковое слово, они соизволят взойти).

С 15 июня начнутся занятия на курсах медсестер. Я буду занята целый день.

Думаю, что скоро буду удить рыбу, у меня есть удочка!!

Сейчас дел по горло. Перечинила все белье и перестирала. Только сегодня выстирала 7 или 8 пар чулок. Теперь предстоит приятное

время за штопкой их. Затем у меня лежит рубашка, которую надо вышить и еще «украинка», которую я уже вышиваю целый год.

Спокойной ночи!! Уже 8 часов. Скоро спать. Мы рано встаем в 6 часов. Завтра рано утром полоскать и сажать. Сейчас пошел сильный дождь. Все благоприятствует моему посеву.

Я читаю сейчас «Мертвые души!» Конечно, в восторге!!

¹ На самом деле это была не дизентерия, а гемоколит на почве голода.

20.06.1942

Дорогая мамочка!

Выдалась свободная минутка и спешу с тобой побеседовать. Всю эту неделю я прозанималась на курсах. Не сердись на меня, мамочка! Что я пошла вразрез твоим желаниям. Вот теперь я нашла свое призвание. Нашла то, что искала в течение нескольких лет. Ты может быть помнишь, что я увлекалась химией, физикой и т. д., но вскоре все бросала, так как все мне надоело очень скоро. Теперь я увлекаюсь серьезно. Часы занятий летят быстро и я жалею, когда раздается звонок. У нас следующие предметы: физиология, анатомия, биология, латинский язык, лекарствоведение, первая помощь и пока что все. Начало в 9 часов и я занята до 2-х часов. Ездить недалеко до Гребецкой¹. В группе я самая младшая. У нас все тетки да бабы. Только одна очень славная девочка Галя, да и то старше меня на два года. Но мы с ней подружились и собираемся вместе готовиться к зачетам. Недавно получила от тебя письмо и от Дюки тоже. Она еще не знает!!² Еще получила письмо от Льва.

На грядке моей появились всходы салата, укропа и брюквы. Дядя Ко приносит мне брошюрки об огородничестве. Завтра буду удобривать землю минеральными удобрениями. Тетя Нина находится на усиленном питании уже две недели. Ехать или не ехать, еще не решили. Мне очень хочется уехать к тебе и на воздух, и с другой стороны, жалко бросать курсы.

Бабушка очень слаба. Подниматься совсем не может. Все под себя. С ней очень сейчас тяжело. Чтобы ехать с ней, не может быть и речи. Мы думаем, что она долго не протянет.

Мамочка! Ты сама помнишь, как многолюдно бывало у нас. Целый день звонки, кто-нибудь приходит, кто-нибудь звонит. Ко мне звонки постоянно: то Нина Вебер, то Дюка трезвонит, то еще кто-нибудь. Теперь я одна в квартире с бабушкой. И никто не звонит и не

приходит. Первое время это меня удручало, а теперь я привыкла, ко всему человек привыкает. Еще помню выражение тети Нины «проходные казармы». Теперь тишина. Я ухожу в 8 ч. 30 м., прихожу в 2 часа. Затем к 3 ч. иду в столовую. Прихожу в 5 ч. До 7 ч. или читаю или кое-что убираю. Иду в 7 ч. за ужином тете Нине, так как она работает в детсаде до 8 ч. вечера. Прихожу в 8 ч. Опять читаю или учу записи лекций. В 9 ч. приходит дядя Ко и тетя Нина. Делаем чай на буржуйке и идем в 10 ч. спать. И так все время. Но мне такая жизнь нравится. Очень кипучая и не дает скучать.

Пиши, мамочка, чаще.

Целую крепко. Таня

P.S. Хотела послать тебе мою карточку, но фотография вышла ужасная, на себя не похожа. Посылаю фотографию более раннюю. Это я снималась прошлой осенью.

Ольга Львовна Моль умерла³.

¹ Большая Гребецкая улица на Петроградской стороне Ленинграда была переименована в Пионерскую, но старое название продолжало бытовать.

² Речь идет о смерти матери и брата Нади.

³ О.Л. Моль умерла еще в конце зимы 1942 г.

10.07.1942

Дорогая мамочка!

Еще одно горе!! Вчера в ночь умерла бабушка. Бедная, она долго мучительно около недели ничего не ела, никого не узнавала, кроме меня. Сегодня будем хоронить ее. Мамочка, бедная моя, как ты все это переживаешь. Теперь мы с тетей Ниной только и думаем о том, как бы уехать. Надоело все, а пуще всего осиротела наша квартира. Ты помнишь, сколько народу всегда бывало у нас. А теперь никого.

Надя забрасывает меня письмами. Подозревает, что что-нибудь случилось. А у меня не хватает духу ей написать. Ее тетя не пишет ей. Она мне пишет: «Все мое счастье сосредоточено в маме, Алеше, Марисе и тебе». Валентины Алексеевны нет в живых, Алеша убит. Вспомню эту фразу, так и не могу писать. Сижусь и плачу, а тетя сердится и говорит: «Будто у нас своего горя мало». Но все же я счастливее Нади. У меня есть мама, а у Нади нет.

Недавно получили письмо от Муры, она с Левой в Беломорске.

Целую крепко. Таня

Т. Вагнер — Н. Шапировой
4–5.11.1942

Дорогой Индюк-Дюк!

Почему ты мне ни строчки. Дрянная девчонка! Я о тебе беспокоюсь. Что ты молчишь? Родная моя, не обижайся на то, что редко пишу, у меня нет времени, так как ухожу в 8 часов утра, а прихожу в 8 часов вечера. Целый день работаю. Ты знаешь, что все мои планы рухнули и я работаю не в госпитале, а на заводе. Уже я не подсобница, а настоящая работница, работаю на станке. И это вертящееся, фыркающее, полное неизвестного чудовище послушно в моих руках. Одним словом, трудно сказать, что я делаю, но просто можно сказать — обтачиваю снаряды. Сегодня работаю в ночь. Хорошо. В свободную минуту читаю. Как нет работы — за книгу. Сажу и оглядываюсь, как пугливый заяц, нет ли на горизонте начальника или мастера. Как в школе! Сейчас уже темнеет, напишу после работы, т. е. завтра, так как работаю в ночь.

Надюк, ты не можешь понять, какое у меня разочарование. Вместо чистого стерилизованного инструмента у меня в руках молоток, гайка и черт знает, какое дьявольское приспособление для измерения, точно ли по шаблону сделана деталь. В особенности этот инструмент мне ненавистен. Я работаю без него и к ужасу браковщицы даю немного брака. За эту неделю всего 4 штуки.

5 ноября. Сегодня получила два твоих письма. Надюк, ты мне завидуешь, а я тебе завидовала, когда пришла на производство первый раз. Ты не представляешь, как мне противен был станок и т. д. Но я потом решила, что так надо и твердо решила работать. Конечно, очень жаль, что нельзя учиться, но такое время, как вспомню о наших бойцах, борющихся за нас, так и говорю себе: «Надо, Таня, делать и не хнычь». Надя, ты понимаешь меня, но если бы ты видела все, что видела и почувствовала я, то верь мне, еще больше глухой злобы было в тебе. Картины страданий наших бойцов никогда не забудутся. Расскажу тебе по секрету, что в первый раз, как я попала в перевязную и увидела все ужасы войны, то у меня слезы были на глазах, когда я перевязывала рану. Раненый увидел их и говорит мне: «Ничего, сестричка, мне уже не больно». Не знаю, как я не разревелась. Знаешь, у меня в палате был один паренек, лет 17, с оторванной совершенно ногой. Я его всегда перевязывала и он всегда спрашивал, когда я снова буду его перевязывать и когда я в следующий раз приходила, он мне жаловался, что я поздно пришла и что он ждал меня целое утро. Вообще, отношение было хорошее. Я и Ида работали

иногда целый день, не выходя, и бойцы говорили: «Когда вы, сестрички, войдете, как будто солнце проглянет и веселей становится». Как приятно было это слышать.

Одному тяжелораненому я делала с помощью хирургической сестры Наташи переливание крови. Он был очень опасный больной. После я сидела около него и он рассказывал о своей родной Сибири и о своих детях. Все мельчайшие подробности я знала о его дочке и сыне. Врач обещал его отпустить на родину, как только он выздоровеет. Но выздоровеет ли он? Вот вопрос. Было мало надежды. Но, как я была рада, встретив недавно сестру Наташу, и узнав, что он поправляется.

Что тебе писать о Ленинграде. Он такой же, как и был. Только остались раны от бомб, но он красив по-прежнему. Да люди стали другими.

Близится зима! Не люблю я ее теперь, хуже нет времени года. Опять укутает она. Вот одна картина, которая войдет в историю: и пусть наши правнуки узнают все — я не забуду мертвой девушки, лежащей на снегу с рассыпавшимися золотистыми волосами, в которых играет солнце и с глазами синими и стеклянными, в которых отражается такое же небо. Я стояла как окаменелая. Не забудут этого наши воины и отомстят. Если есть на земле правда, то им будет оплачено сторицей. Но правда еще не восторжествовала.

Дюк, иди тоже работать и просись вместе со всеми своими ребятами. У нас все ребята по 15 лет и работают. Мы с тобой будем вместе работать, а кончится война, будем и работать, и учиться, так как американского дядюшки, на миллионы которого мы могли бы рассчитывать, у нас нет. Но это и хорошо, так как быть обязанным кому-нибудь, хуже нет. А мы будем вольными птицами!! Как это хорошо. Будем вместе жить. У меня, кроме тебя и мамы, да тети Нины, никого нет. А потом будем профессорами. Выдери меня за честолюбивые мечты!!

Знаешь, ты лучше меня в тысячу раз, так как без всяких колебаний хочешь идти работать, а я столько ругалась с теткой, сколько ревела и какого труда стоило мне себя переломать. Это все пережитки барства остались во мне. Татьяна Николаевна, «известный хирург», и вдруг, в грязи возиться? Видишь, какая я гадкая. <...>

Целую. Таня

Т. Вагнер — М.Ф. Вагнер
09.05.1945 11 часов. 30 минут вечера

Великий день Победы и Счастья!

Дорогая и родная мамочка! Поздравляю со всеми праздниками и крепко-крепко целую. В голове все перемешалось — кажется, что от сегодняшнего утра прошла вечность. Не верится, в голове все идет кругом. Возьмусь за книгу, не могу читать — так далеко все. Возьмусь за учебники — ничего в голову не лезет — ни история, ни математика.

Услышали мы с тетей в 2 часа ночи — она меня разбудила и слышали затаив дыхание известие о капитуляции Германии. Вот хочу писать — а чувствую, что словами не могу все выразить перед тем, что чувствуешь. Были у одних знакомых с тетей и, стоя на балконе — смотрели на фейерверк и мне казалось, что я вместе с огнями лечу высь — куда-то вдаль навстречу новому, блестящему, счастливому и бесконечно радостному. Заря новой счастливой жизни встала, эти четыре года стали для меня суровой школой борьбы и лишения. Уже давно тетя подала заявление в РОНО¹ о вызове, говорят, что положительно. Я боюсь отдаваться вся новому счастью. Надя, узнав, что дело о твоём вызове, дело, почти можно сказать, решенное, взмолилась — возьми меня маму встретить! Я в этот момент ее так пожалела — ведь ей некого ждать.

Утром сегодня у нас на работе митинг. Я сразу позвонила Наде — она кричит в трубку — жди, приеду. Я лечу домой, слоняюсь из угла в угол, не знаю, чем заняться — хватаюсь за геометрию — в голове каша. Звонок — Надя. Крепко-крепко обнялись и простояли минуту в темной передней. Потом не могли сидеть дома, отправились гулять. Отправились к Сфинксам на Неву. Эти наши загадочные друзья. В них полно тайны. Там мы часто сидим на гранитной скамейке, мечтаем, ведем душевную беседу или треплемся. А наши друзья слушают, устремив взгляд в темную даль будущего. Тайной веет от них. Мудрые Сфинксы любят нас, но никогда не говорят с нами. Ведь 6 мая мы сидели там и они нам даже не шепнули, что конец войне сегодня. Я их сегодня упрекнула в этом, а они только улыбнулись, не посмотрев на меня.

Я не знаю, что пишу, у меня каша в голове. Тетя советует мне лечь спать.

(Никогда не забуду все пережитое. Кровь, смерть и страдания — все помнится. Хочется встать и помолиться за героев, погибших за нашу Родину.)

С утра сегодня ко мне гости — но я ушла с Надей к Сфинксам. Потом, спасаясь от гостей, отправилась к Нине заниматься. Но мы только пугали ее мать-старушку своей шумливостью, в переменках дикого галопа, учили немецкий. На 10 вопросов по билетам ответили. Слава Богу!

А вчера в школе чуть не ревела на уроке литературы, слушая Некрасова. Целый день напряженное состояние — весть о капитуляции облетела и взбудоражила весь город с утра, у репродукторов народ толпится. Окна не закрыты в классе — ждем известий.

Я вернулась домой усталая, разбитая, по выражению Нади (у нее было такое же состояние) точно с ночной оргии. Пришла, легла и провалилась.

Письмо нескладное, сумасбродное, все в автора, да и сам автор. Чудная музыка! Марши, вальсы, увертюры. А в небе — ракеты горят, а на смену им новые. Красив город, чудно-прекрасное небо!!

Да, мамочка, спасибо за посылку. Пришлось три раза съездить, но еще не все получила, но масло получила. Женя очень славная женщина. Большое, большое спасибо. Итак, ждем — в Ленинград. Встретить придем на Московский все вместе. Смотри, узнай свою дочку. Скажу ее приметы. Самая сумасшедшая и веселая.

Как хочется жить! Именно жить — широко и привольно, и свободно.

Крепко целую.

Боюсь переписывать, наверно, бред. Таня

¹ Районный отдел народного образования.

10.08.1945

Дорогая мамочка!

Давно я тебе не писала, все думала, что порадую тебя хорошей вестью. Из Смольного получила благоприятный ответ, меня направили в «Бюро распределения рабочей силы». А там мне сказал начальник, что пока до декабря месяца нет вызовов для тех, кто не жил в Ленинграде перед войной, будут делать вызовы в декабре месяце.

Тетья и я страшно огорчены этим. Так хотелось порадовать тебя, дать надежду, но, дорогая моя мамочка, крепись, если уж в Смольном разрешают приехать, то это уже мелочь. Мне начальник в Бюро объяснил, что еще не спущены лимиты на приезд сюда людей. Всегда и вечно какие-то затруднения, проблемы, до чего все надоело и как все же из-за этого тяжело чего-нибудь добиться.

Надо иметь связи и знакомства. К сожалению, среди сильных мира сего у нас нет знакомых. Таким образом, снова надо ждать декабря. Как это все тяжело. Я понимаю, как тебе тяжело и трудно ждать так долго.

Вот уже полмесяца как я отдыхаю от школы¹. И с ужасом думаю, что через 15 дней снова в школу. Думаю, первую четверть походить в театр — посмотреть некоторые вещи.

Отпуск мне дают в декабре месяце. Очень обидно это. Ну, да ничего, можно будет за город поехать или на каток. Ну да, это все ерунда.

Время идет так быстро, что я несмотря на то что целые дни... Обидно, что не хватает время читать. Взясась читать по-немецки. Уже прочитала две книги. Стараюсь читать только не переводное с русского на немецкий, эти переводы трудны и не верны. Сейчас читаю Heine «Флорентийские ночи». А еще в запасе «Робинзон Крузо» по-немецки. Сейчас читаю с удовольствием. На странице слов 10–8 непонятных, которые я смотрю в словаре. Ну а так, читаю Горького. Сейчас читаю «Фома Гордеев». Люблю я Горького. Люблю его романтизм, его потрясающий в своей наготе реализм.

Надина тетя² уехала на дачу, а Надюша осталась одна здесь. На днях я к ней приехала ночевать. Большая квартира и ни души, только в дальней комнате брат Надин сидит над книгами, как колдун. Мы с ней болтали, хохотали, носились в пятнашки по комнатам. Потом пошли гулять. Хорошо ночью на Кировском проспекте. Горят фонари, освещая прямой блестящий проспект. Мы пошли в сад — тишина, вечер теплый и тихий. Нева серебрится от огней, пахнет тополями. Мы сидели над самой водой на стволе громадного дерева, наклонившегося над водой, его ветви ясно отражались в воде. С час сидели так и молчали, только когда стали бить куранты³, пошли домой.

Вечером потом долго стояли, обнявшись, на балконе. Сумрак спустился, шум затих на улице. Ночь не приносила прохлады, было очень тепло, волны чудного аромата табака, раскрывшего свои цветы, врывались в комнату, а где-то рядом кто-то чудно играл на рояле. Чистые и красивые звуки неслись по всему двору, а мы все стояли очарованные, потерянные и удивленные. Наконец я стряхнула с себя этот дурман и легла спать, Надя тоже. Но еще долго говорили, уже погасли всюду огни, затих рояль и только запах цветов врывался в открытую дверь балкона. Не верилось мне, что завтра надо ехать опять в мою контору, казалось, что я где-то далеко-далеко от прошлой жизни.

Надин дядя уехал, и во всех книжных шкафах торчали ключи, и мы, забравшись в его кабинет, сидим на диване с ногами и читаем много интересного <...>

Ох! На будущий год тоже будем получать аттестат зрелости.

Крепко целую. Таня

¹ Речь идет о вечерней школе, в которой Т.Н. Вагнер училась, продолжая работать.

² Упоминаются тетя Н.А. Шапировой Т.Б. Лозинская, жена М.Л. Лозинского, и их сын Сергей Михайлович Лозинский, математик.

³ Уличные громкоговорители включались в 6 часов утра и передавали бой Кремлевских курантов.

Приложение

*Из воспоминаний Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде,
написанных в 1990-е гг.*

Словно сама прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

Анна Ахматова

В журнале «Родина» я прочитала дневниковые записи одного человека. Он пишет о том, что его вернула к жизни, после тяжелой болезни сердца, повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат». А передо мной стала жуткая, непонятная теперь жизнь в блокадном Ленинграде. Уверена, что мне также помог выжить и остаться человеком Л.Н. Толстой.

В страшную зиму 1941–1942 года я прочитала подряд все 20 томов сочинений Л.Н. Толстого (у дяди Феди было 12-е издание, М., 1912¹⁷). Я брала том за томом и читала, лежа в постели и закутанная всем теплым, что было дома. Когда наступали сумерки, приходилось кончать, и я лежала, включив свой волшебный фонарь воспоминаний. Закрыв глаза, переносилась в мир героев Толстого

¹⁷ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1912–1913.

или в свой фантастический мир, могла создать картины и сама в этом мире действовать.

Но самое главное было дожидаться рассвета.

С трудом медленно мутный рассвет пробирался через заиндевевшие окна. Предвестником его был металлический звон от кастрюль и чайников. Это жители города везли на саночках посуду для воды на Неву к проруби. Наконец, рассветало, и если мне не надо было идти за хлебом или за водой и растапливать печку, то я опять погружалась в чтение. Оно отвлекало от страшной действительности, от холода и главное, от голода.

Меня еще мучила грязь, оттого что не было сил убирать и мыть, не было возможности самой вымыться из-за холода и отсутствия воды. За ночь вода в чайнике замерзала. Но еще было чувство униженности какой-то. Из-за того, что невозможно было избавиться от чувства голода. Смутно понимала, что если оно овладеет тобою полностью, то ты перестанешь быть человеком, потеряешь человеческий облик. Примеры тому я наблюдала.

Так вот Л.Н. Толстой и был моим спасением от темного, страшного, чему и названия нету. Я не молилась, не плакала. Только раз, когда нашу переднюю залили нечистоты сверху, из-за того, что замерзли и лопнули фановые трубы, я заплакала от бессилия и опять же от унижения. Успокоил меня дядя Федя, сказав, что это все замерзнет и я смогу это легко потом убрать. Меня это сразу успокоило.

Бывали дни, когда я одна была на ногах, т. е. была в состоянии пойти за хлебом, за водой или растопить буржуйку, которая стояла в комнате, где жила я и бабушка Прасковья Михайловна.

Походы в магазин, где по карточкам давали хлеб, были сопряжены с риском и трудностями. Меня тетя Нина закутывала, я была в валенках, в финской шапке брата Левы, очень теплой, Левиных брюках. Сверху на голове был повязан шерстяной платок или пестрый плед. Карточки я прятала в рукавицу, а мешочек с хлебом несла за пазухой, чтобы не вырвали. Хлеб выдавали в Соловьевской булочной. Раз была свидетелем тяжелой сцены. Мальчишка вырвал хлеб из рук у женщины и, видимо, не имея сил бежать, тут же начал его глотать. Поднялся крик, его начали бить, а он вобрав голову в плечи все ел и ел. Озлобленности в женщинах, набросившихся на него, я не чувствовала. Чем кончилось дело, не знаю, я быстро ушла, прижимая хлеб к груди.

Придя домой, я начинала делить хлеб. В столовой стояли у нас весы, и я развешивала хлеб на этих маленьких пружинных весах, а потом относила тете, бабушке, Николаю Николаевичу. Однажды

дядя Федя сказал, что я себя обделяю, так как последний кусок оставляю себе, а весы в булочной не совсем верны...

Это было правдой, я в этом убедилась, взвесив хлеб, принесенный домой. Бабушка мне всегда отдавала довески, говоря, что она лежит и меньше тратит сил, а я хожу и мне надо больше. Каюсь, я не заставляла себя упрашивать, брала эти довески, иногда даже делая их неоправданно большими.

У нас было заведено, что каждый ест хлеб свой отдельно. Николай Николаевич получал больше, а мы (его жена тетя Нина, бабушка и я) имели иждивенческие карточки¹⁸. Слово-то какое, унижающее человеческое достоинство. Иногда в столовой на карточки давали суп! Это была чуть замутненная чем-то водичка. Я приносила ее в бидоне и подогревала, а тетя давала ее Николаю Николаевичу и другим. Помню его жалкий голос с постели: «Супчику, супчику».

Очень острым было желание жить, выжить... Однажды, опустившись на колени перед обледеневшей прорубью, которая была у нас перед самыми воротами я, видимо, потеряла на минуту сознание и принуждена была ухватиться за ее ледяные края. Состояние быстро прошло. Но еще стоя на коленях, я испытала огромное желание выжить, преодолеть все невероятные трудности. Это был какой-то взрыв душевных сил. Теперь я понимаю, что это была воля Божия.

Жалоб, слез, истерик в доме не было. Никто в эту зиму не жаловался, а нес свой крест с достоинством.

В день моего 16-летия¹⁹ в страшный 1942 год 24 февраля бабушка Паша торжественно подарила мне свою голубую чашку с розами фарфорового завода братьев Корниловых²⁰. Она имеет форму яйца.

¹⁸ Карточки были введены 18 июля 1941 г., тогда норма составляла 800 г хлеба. 2 сентября 1941 г. нормы были снижены: рабочим и инженерно-техническим работникам — по 600 г, служащим — по 400 г, детям и иждивенцам — по 300 г. Затем было пять снижений норм. Самая минимальная норма действовала с 20 ноября по 25 декабря 1941 г.: рабочим 250 г хлеба, всем остальным — 125 г. Это привело к резкому росту голодных смертей: за декабрь 1941 г. в Ленинграде умерло от голода около 50 тыс. человек. С началом действия ледовой «Дороги жизни» (22 ноября 1941 г.) поступление продуктов в Ленинград увеличилось и нормы выдачи хлеба были повышены до 350 г рабочим и до 200 г остальным жителям города. В последующие месяцы блокады периодически нормы выдачи хлеба по карточкам повышались, но несмотря на это смертность первой блокадной зимы была огромна.

¹⁹ Через 6 месяцев 21.08.1942 г. Татьяна Николаевна Вагнер, как и все ее сверстники, получила Мобилизационное Предписание из Василеостровского Военного Комиссариата, подписанное Инструктором медицинской санитарной группы.

²⁰ Фарфоровый завод братьев Корниловых был основан в пригороде Санкт-Петербурга в 1835 г. В отличие от своего главного конкурента, М.С. Кузнецова, Корниловы сделали акцент не на массовость производства, а на качество исполнения, прежде всего росписи.

У нее когда-то была крышечка с ручкой в виде головы петуха. И рассказала, что эту чашку подарил ей поклонник и прочел французский стишок: «Mon amour finira quand se son chantera». В переводе это звучит так: «Этот петух пропоет, когда кончится моя любовь». Крышку разбили. Чашка сохранилась. В день 16-летия моей дочери Саши эта чашка была подарена ей.

Судьба уготовила бабушке Паше горький конец. Она пережила обоих своих младших детей — Нину и Федора — и умерла летом 1942 г. До конца сохраняла ясность ума и твердость: не роптала, не жаловалась даже мне. Ухаживала за ней Нина Александровна, которая ее не любила (впрочем, это видимо, было взаимно).

Незадолго до смерти она совершила удивительный поступок, который ее очень характеризует. Я не была этому свидетельницей и пишу по рассказу Нины Александровны.

Бабушка Паша поднялась с постели, с которой не вставала уже давно, вошла к Н.А. в комнату, держа в руке икону, и велела ей поклониться на иконе, что она меня не оставит и будет заботиться. Н.А. поклялась и клятву сдержала. Действительно, эта шекспировская сцена не могла не произвести впечатления: умирающая изможденная старуха призывает в свидетели Бога и требует клятвы.

Умерла бабушка Паша 1 июля 1942 года, и мы с Ниной Александровной отвезли ее тело на фанере в морг на 8-й линии Васильевского острова около реки Смоленки. Похоронена она в братской могиле на острове Декабристов, поблизости от места вечного упокоения дочери и сына.

Аминь.

Литература

1. *Заднепровская А.Ю.* Из воспоминаний дочери. Трагедия Н.П. Вагнера // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2012. Кн. 12. С. 233–240.

Research Article and Publication of Archival Documents

“A Person Becomes Better after a Great Trial” (Tanya Wagner’s Letters, 1939–1945)

© 2022. Alexandra Yu. Zadneprovskaya
Independent researcher, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article contains letters (1939–1946) of a Leningrad teenage girl Tanya Wagner preserved in her family archive. Most of them were addressed to her mother Maria F. Wagner, deportee after her husband had been arrested and then shot. These letters are at the same time a diary, a chronicle of life in pre War and then besieged Leningrad. The appendix contains an extract from her unpublished memoir on the siege of Leningrad, written in later years.

Keywords: Repression in the Soviet Union, The Great Patriotic War, The siege of Leningrad, the soviet school.

Information about the author: Alexandra Yu. Zadneprovskaya — PhD in History, Independent researcher, Historian of the Russian culture in 19th–20th centuries, St. Petersburg, Russia.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

For citation: Zadneprovskaya, A.Yu. “A Person Becomes Better after a Great Trial” (Tanya Wagner’s Letters, 1939–1945).” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 25–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-25-57>

References

1. Zadneprovskaya, A.Yu. “Iz vospominanii docheri. Tragediia N.P. Wagnera” [“From Daughter’s Memories. The Tragedy of Nikolay P. Wagner”]. *Russkoie proshloe. Istoriko-dokumental’nyi almanakh* [The Russian Past. Historical Documentary Almanac], book 12. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 233–240. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.06.2022
Одобрена после рецензирования: 11.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 21.06.2022
Approved after reviewing: 11.07.2022
Date of publication: 25.09.2022